

Содержание

<i>Ю.В. Иванова</i> Введение.....	5
Раздел I. Культура полемики и структура научного текста	15
<i>П.Б. Михайлов</i> Богословские стратегии в трактате Оригена «О началах»	17
<i>Е.В. Антонова</i> У истоков схоластики: способы аргументации в споре IX в. о предопределении	27
<i>М.А. Сорокина</i> Стратегии аргументации и полемики у одного раннего критика астрологии: «Сумма о звездах» Герарда из Фельтры	70
<i>М.Л. Хорьков</i> Авторитет и аргумент в сочинениях Майстера Экхарта	109
<i>Е.Н. Лисанюк</i> Полемика и средневековый логический «диспут»	130
Раздел II. Философские и богословские споры.....	159
<i>М.С. Петрова</i> Полемика эпикурейцев и платоников о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях (на примере «Комментария на “Сон Сципиона”» Макробия).....	161
<i>И.В. Макарова</i> Учение Ф. Суареса о душе и его роль в дискуссии об активном уме.....	174
<i>Г.В. Вдовина</i> «Аргумент от камня»: схоласты XVII в. о вложении интенциональных качеств.....	196
<i>П.В. Соколов</i> Полемика о норме толкования и картезианском методе в библейской герменевтике XVII в.: Лодевейк Мейер и его критики	222
<i>Е.Г. Драгалина-Черная</i> Via eminentiae как инференциальная и аргументативная стратегия	243

Раздел III. Политические дискуссии	259
<i>А.В. Марков</i> Философская дискуссия как парадигма политической реформы в поздней Византии: Георгий Схоларий против Гемиста Плифона	261
<i>Н.Е. Асламов</i> «Истина сильнее красноречия»: стратегия Мартина Лютера в споре с Эразмом Роттердамским об отношении к войне	279
Раздел IV. Естественнонаучные споры	293
<i>Е.К. Карпенко</i> Спор о природе металлических субстанций: Бернар Палисси против алхимиков	295
<i>З.А. Сокулер</i> Пolemические стратегии в «Диалоге о двух главных системах мира» Галилео Галилея	319
Раздел V. Нелегитимные и неклассические способы аргументации ...	347
<i>В.В. Смирнова</i> Средневековый пример и проблема аргументации: цикл проповедей De tempore Иакова Ворагинского.....	349
<i>П.В. Соколов</i> Герменевтика и софистика: sophismata в экзегезе Джона Уиклифа и его оппонентов	366
<i>Ю.В. Иванова</i> Стратегии аргументации в гуманистическом диалоге XV в.	385
<i>И.А. Боганцев</i> Фрэнсис Бэкон: прагматика авторитета	417
<i>А.В. Голубков</i> От Disputatio к Conversatio erudita: стратегии аргументации во французских академиях XVII в.	436
<i>И.В. Хоменко</i> Особенности религиозной полемики на Украине конца XVI — начала XVII в.	463
Указатель	482
Об авторах	494

Ю.В. Иванова

ВВЕДЕНИЕ

Некогда Люсьен Февр, один из основателей «Школы Анналов» и крупнейших реформаторов исторической науки XX столетия, посетовал на то, что его товарищи по научному цеху парадоксальным образом проходят мимо самых, казалось бы, очевидных тем исторического исследования: «Подумать только — у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет ни истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости»¹. Еще недавно историк науки мог бы присоединить к этим и свои жалобы: не существовало истории объективности, истории достоверности, истории факта, истории объектной реальности. В последние годы ситуация заметно изменилась. Если у ученых собеседников Томаса Куна, по его собственному признанию, гипотеза о наличии у научного факта исторического измерения могла вызвать лишь недоумение², то в исследовательской литературе последних десятилетий благодаря усилиям критиков позитивизма рационально непрозрачные составляющие новоевропейской науки сделались вполне легитимным и почти уже традиционным предметом рефлексии. Написаны истории объективности как принципа, обосновывающего когнитивную значимость научных содержаний в нововременной науке³, биографии объектов научного знания⁴, генеалогии научных фактов⁵ и социальные истории истины⁶.

Развитие истории науки на протяжении XX столетия можно представить как постепенное преодоление «имманентистского» монизма классической модели. Представители этой дисциплины все более последовательно допускали присутствие «нетеоретических» элементов в

¹ Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. М.: Наука, 1991. С. 123.

² Kuhn T. Foreword // Fleck L. Genesis and Development of a Scientific Fact. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1981. P. VIII.

³ Daston L., Galison P. Objectivity. N. Y.: Zone Books, 2007.

⁴ Daston L. Biographies of Scientific Objects. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000.

⁵ См., например: Shapiro B. J. A Culture of Fact: England, 1550–1720. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2003; Fleck L. Op. cit.

⁶ Shapin S. A Social History of Truth: Civility and Science in Seventeenth-century England. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.

проблемном поле своей науки. При этом каждая новая версия истории науки, кажется, стремится превзойти предшествующую в методологическом либерализме: так, А. Койре в своей полемике с П. Дюгемом говорит об обусловленности научной картины мира богословскими и философскими воззрениями⁷, а Т. Кун в своих работах по истории ранненововой науки открывает явления социального конструирования научного факта и детерминированности научных практик параметрами господствующей «парадигмы»⁸. Тем самым наука начинает мыслиться как сложный и гетерогенный объект, включающий в себя множество внетеоретических составляющих. В свете этой общей тенденции кажется удивительным и почти необъяснимым то обстоятельство, что до сих пор в литературе почти совершенно отсутствуют попытки создать общую историю развития формальной структуры научного рассуждения и факторов, ее определявших. Отдельные работы, посвященные поэтологическим аспектам научной литературы и социальному и коммуникативному контексту функционирования научного знания, так и не были объединены в *историю аргументации*. В то же время уже написаны даже истории теории аргументации⁹. Одним из немногочисленных исследовательских усилий на этом пути можно считать разве что междисциплинарный проект «Типология источников западноевропейского Средневековья», во главе которого стоял Л. Женико (Лувен, Бельгия)¹⁰.

Между тем история принципов и техник аргументации принадлежит к числу исследовательских сюжетов, которые находятся на водоразделе множества проблемных полей и именно поэтому предоставляют ученым редкую возможность пересечь границы целого ряда дисциплин, как исторических, так и философско-теоретических: истории логики, теории аргументации, истории философии, истории риторики — и этот список можно было бы продолжить. Однако очевидно, что у этого направления исследований должны быть и иные основания легитимности, помимо собственно принципа междисциплинарности. Вот одна из центральных методологических гипотез, которой

⁷ Койре А. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1985.

⁸ Кун Т.С. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

⁹ См., например: Van Eemeren F.H., Grootendorst R., Henkemans F.S. Fundamentals of Argumentation Theory: a Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah: Erlbaum, 1996.

¹⁰ См. итоговую монографию проекта: *Typologie des sources du moyen âge occidental* / éd. L. Genicot. Turnhout: Brepols, 1972.

придерживались авторы настоящей монографии: парадигматические трансформации, которые составляют субстанцию истории науки в ее традиционном понимании, во многом были мотивированы, а зачастую и порождались той полемической средой, в которую оказывались вовлечены те или иные научные содержания. Значение и статус какого-либо научного содержания в подавляющем большинстве случаев оказываются определены полемической средой его бытования: университетскими дискуссиями, реакцией оппонентов и т.д. Кроме того, создание истории аргументации принципиально важно для реконструкции форм самосознания европейской науки. Использование определенных процедур доказательства выступает фактором, определяющим границы науки и критерии «научности» и проясняющим принципы демаркации естественных и гуманитарных дисциплин, определяющие современное научное мышление.

Авторы представляемой книги отдают себе отчет в том, что сама возможность проекта истории аргументации может вызвать законные сомнения. До настоящего времени история аргументации как легитимный предмет изучения существовала лишь в качестве одного из разделов истории риторики или истории логики. Каковы же могут быть основания для выделения истории аргументации как самостоятельного направления исследований в рамках истории науки? Как возможно создать историю аргументативных практик, не сводя ее, с одной стороны, к тавтологическому описанию полемик, а с другой стороны, не отделяя ее вовсе от исторического материала, тем самым превращая ее в раздел теории аргументации или нормативистской истории науки? Необходимой предпосылкой создания истории аргументации является синтез дескриптивной методологии эмпирического историко-филологического исследования и теоретической методологии дисциплин философского цикла. Господство риторической культуры на протяжении значительной части доновременного периода истории европейской науки, детерминированность производства и трансляции знания институционально зафиксированными нормами научной коммуникации обусловили необходимость обращения для экспликации аргументативной структуры научных текстов к методологическому аппарату наук о языке и тексте: филологии, философской герменевтике, семиотике, теории исторических нарративов, теории коммуникативной рациональности. Еще одним базовым методологическим принципом, которым руководствовались в своей работе авторы монографии, стало совмещение собственно исторического и историко-социологического подходов к изучению интеллектуальной культуры Западной Европы Средних веков — раннего Нового времени: «история идей», перспек-

тивистское описание линейного процесса трансляции и аккумуляции научных содержаний, была дополнена историей институциональных и неинституционализованных (салоны, академии) «мест» и форм производства знания, социальных и политических условий деятельности интеллектуалов. Наконец, история научной аргументации должна быть дополнена историей аргументативных практик в литературе, богословии, в том числе популярном, позднее — в публицистике: подобное расширение предметной области позволяет пролить свет на функционирование рациональной аргументации и аналитических процедур, составляющих формальную структуру научного знания, в других областях интеллектуальной культуры.

История аргументации органично распадается на несколько проблемных блоков (это деление нашло отражение и в структуре настоящей монографии): прежде всего процедуры доказательства и способы построения научного текста должны быть исследованы *in situ*, иными словами, необходимо сделать предметом анализа наиболее репрезентативные образцы научных дискуссий, отражающих состояние полемической культуры в ту или иную эпоху. Таким «парадигматическим» значением для европейской интеллектуальной культуры обладал, к примеру, спор о предопределении, которому отдали дань лучшие богословы латинского Запада — об обстоятельствах рождения и о ранней истории этого спора речь идет в разделе I нашей книги¹¹. Иногда истоки великих дискуссий, в течение многих столетий определявших облик европейской культуры, остаются в тени и безвестности. И в этом случае исследователь получает право дать волю своему антикварному инстинкту и потратить не один год на розыски источников и палеографическую работу. Так, ранние этапы полемической рецепции астрологических текстов в Европе практически не исследованы. Первый антиастрологический трактат, написанный доминиканцем Герардом из Фельтре, не только никогда не был издан, но и почти никем, по всей видимости, не был прочтен: вся исследовательская литература о нем ограничивается двумя статьями. Благодаря исследовательским усилиям М.А. Сорокиной эта лакуна в историографии отчасти была заполнена¹².

Традиционная для классической истории науки и философии иерархизация анализируемого материала имеет одним из следствий мар-

¹¹ См.: Антонова Е.В. У истоков схоластики: способы аргументации в споре IX века о предопределении (с. 27–69 наст. изд.).

¹² Сорокина М.А. Стратегии аргументации и полемики у одного раннего критика астрологии: «Сумма о звездах» Герарда из Фельтре (с. 70–108 наст. изд.).

гинализацию тех способов рассуждения о центральных философских или научных проблемах, которые представляются архаичными или нерепрезентативными. Так, полемика о вложении интенциональных качеств в иезуитской литературе периода Второй схоластики нечасто упоминается в историях новоевропейской философии субъективности, в то время как она представляет интерес уже потому, что ее участники оперировали концепцией личности, отличной от картезианского представления о субъекте¹³.

Очевидно, однако, что история полемик и реконструкция функционирования отдельных аргументов невозможны без анализа структуры текста. Особенный интерес представляет логика построения богословских сочинений святоотеческого века, так как в этих сочинениях все области интеллектуальной культуры — философия, богословие, наука, риторика — встречаются в синтезе, которому никогда уже не суждено повториться¹⁴.

Для каждой исторической эпохи авторы монографии попытались создать набросок соответствующей версии истории аргументации. В схоластический период создателю такой истории приходится столкнуться с целым рядом апорий. Схоластическая наука представляет собой своего рода антипод нововременной, так как ею была выработана альтернатива тем способам формализации научных содержаний и аргументативных процедур, которые были созданы математизированной наукой Нового времени. Для современного исследователя это одновременно и большая удача, и источник серьезных проблем, ведь высокая степень рефлексивности средневековой полемической культуры провоцирует подмену аналитических процедур исследования тавтологическим воспроизведением источников. Этот парадокс объясняет и неравномерность в распределении исследовательского интереса к эксплицитно полемическим текстам (протоколам диспутов, трактатам о софистических аргументах) и к аргументативному содержанию памятников, составленных в форме монологического рассуждения или комментария. Протоколы диспутов традиционно служат предметом рассмотрения прежде всего для историков средневековой университетской культуры; трактатам *de sophismatibus* посвящены сотни

¹³ Подробнее см.: *Вдовина Г.В.* «Аргумент от камня»: схоласты XVII в. о вложении интенциональных качеств (с. 196–221 наст. изд.).

¹⁴ Подробнее см.: *Михайлов П.Б.* Богословские стратегии в трактате Оригена «О началах» (с. 17–26 наст. изд.).

историко-логических исследований¹⁵, существуют различные версии транскрипции их содержания на языке формальной логики¹⁶. В то же время, насколько нам известно, не существует ни одной работы, посвященной фигуре софиста в схоластической литературе или роли софистической аргументации в богословских и философских текстах (исключая, разумеется, логические тексты и трактаты о грамматическом искусстве). Исследования авторов монографии должны были хотя бы отчасти восполнить этот пробел, сделав предметом рассмотрения, помимо прочего, и функции софистического аргумента в позднесредневековой экзегетической литературе.

Должно быть, никакой другой период культурной истории Европы не породил столько историографических химер, сколько эпоха Ренессанса, названная «Веком риторики». Оптика, сформированная позитивистской концепцией науки, заставляет исследователей отыскивать в памятниках гуманистической литературы позитивное содержание, вовсе чуждое их принципиально нетеоретическому стилю мышления. Эта же интуиция превращает в «теории» и «концепции» жанровые и стилистические топосы или цитации из античных авторов: возникающие в результате этой аналитической аберрации историографические мифы (можно вспомнить здесь «гражданский гуманизм» Э. Гарена) впоследствии на многие годы определяют представления академического сообщества о гуманистической культуре. Эта редукционистская установка, побуждающая исследователей видеть в памятниках литературы эпохи Возрождения то ли несовершенные прообразы научного текста времен господства позитивизма, то ли странную разновидность изящной словесности, в новейшей литературе начинает пересматриваться. Для этого задействуются современные методы анализа текста, теории риторики и коммуникативной рациональности. Быть может, одной из наиболее важных задач новой историографии гуманизма могла бы

¹⁵ *Bazan B.C., Wippel J.W., Fransen G., Jacquart D.* Les questions disputées et les questions quodlibétiques dans les facultés de théologie, de droit et de médecine. Turnhout: Brepols, 1985; *Weisheipl J.A.* Curriculum of the Faculty of Arts at Oxford in the Early Fourteenth Century // *Medieval Science*. 1964. Vol. 26. P. 143–185; *Lawn B.* Rise and Decline of the Scholastic Quaestio Disputata: with Special Emphasis of Its Use in the Teaching of Medicine and Science. Leiden; N.Y.; Cologne: E.F. Brill, 1993; *Theological Quodlibeta in the Middle Ages. The Fourteenth Century* / ed. by Ch. Schabel. Leiden: E.F. Brill, 2007. См. также библиографию к статье Е.Н. Лисанюк (с. 130–158 наст. изд.).

¹⁶ См.: *Лисанюк Е.Н.* Полемика и средневековый логический «диспут» (с. 130–158 наст. изд.); *Dutilh-Novaes C.* Formalizing Medieval Logical Theories: Suppositio, Obligationes and Consequentia // *Logic, Epistemology and the Unity of Science*. В.: Springer, 2007.

стать экспликация эвристических потенций различных жанров гуманистической литературы. Гуманистическая эпоха создала жанровые формы, призванные в самой композиции текста отразить парадоксы характерного для нее сознания времени и проистекающие из этого сознания, разорванного между авторитетом прошлого и суверенитетом настоящего, апории, порождаемые не вполне еще освоенным, но уже интенсивно употребляемым языком античных классиков. Наиболее выразительной из этих форм — гуманистическому диалогу — в нашей истории аргументации посвящено особое место¹⁷.

Однако корректное исследование науки как речевой практики было бы невозможно без обращения к тем формам коммуникативной культуры и институциональной организации, которые структурируют научную жизнь ранненовременной Европы. Академическая культура (в том числе культура устного и письменного научного диспута) с характерными для нее требованиями к научной аргументации, к формам и способам общения в академических кругах вырастает из практик общения, распространенных в сообществах гуманистов эпохи Возрождения и в интеллектуальных салонах и академиях раннего Нового времени.

В определении методов и предмета своих исследований авторы монографии исходили из того, что в доновременной интеллектуальной культуре радикально иным образом, нежели в культуре XVII–XX вв., выстраивается демаркация между «естественными» и «гуманитарными» науками, между философией и естественными науками, между гуманитарными науками и философией. Если искать современный аналог господствовавших в эти эпохи принципов самоосмысления наук и практикуемых ими способов производства знания, то приходится сделать вывод, что сегодня сходными методами пользуются лишь науки гуманитарного цикла. С этой точки зрения все науки означенных эпох следует квалифицировать как «гуманитарные». Авторы научных текстов, творчество которых предшествует научной революции XVII в. или современно ей, характеризует специфический синкретизм мышления, позволяющий бесппроблемно соединять в научной деятельности методологический аппарат естественных, гуманитарных наук и эстетических практик: так, Исаак Ньютон использует библейскую герменевтику для исследования природы, а венецианские гуманисты говорят о тождественности интерпретативных инструментов, служа-

¹⁷ См.: *Иванова Ю.В.* Стратегии аргументации в гуманистическом диалоге XV в. (с. 385–416 наст. изд.).

щих для анализа текста, с одной стороны, и событий и явлений исторического и физического мира — с другой. Основанием здесь служит презумпция «текстуальности» знания, к какой бы области науки оно ни принадлежало. Эта особенность позднесредневекового и ранненовременного научного мышления становится хорошо видна на материале естественнонаучных сочинений эпохи, таких как «Диалог о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея¹⁸. Позитивное изложение новаторских научных концепций оказывается заключено в жанровую рамку гуманистического диалога, предполагающего отсутствие «завершающего авторского видения» и инстанции вынесения окончательного решения. Ситуация полемики и плюрализма мнений тем самым консервируется, а мнение автора вычитывается из текста лишь посредством изоциренных герменевтических операций.

Несмотря на то что связь политики и языка была осознана еще античными софистами, в некоторых областях современной политической истории донововременной Европы господствует позитивистская концепция исторического источника. Поэтому пересмотр традиционных для исторической науки способов исследования социально-политической проблематики, в частности военно-политической, и анализ аргументативного инструментария, используемого авторами раннего Нового времени для обоснования различных этических концепций войны, является актуальной задачей не только для истории аргументации, но и для истории политической мысли. Если исследователи военно-политической истории Европы только еще начинают осознавать необходимость анализа языка и структуры текста, то для историков политической культуры Византии анализ риторики — необходимая составляющая профессиональной компетенции, ведь в поздней Византии риторические задачи самопрезентации структурируют политическую практику, порождая парадоксальное явление множественности этических языков.

Разумеется, история аргументации в доклассическую эпоху должна уделить особое внимание нелегитимным процедурам доказательства. Более того, сама граница «легитимного» и «нелегитимного» в эту эпоху представляется зыбкой и неопределенной. Так, в философском дискурсе классической древности различные виды фикции — традиционные мифы, а также «аналогии» и «подобия» — существовали наравне с рациональной аргументацией, а в ряде случаев исполняли

¹⁸ См.: Сокулер З.А. Полемические стратегии в «Диалоге о двух главнейших системах мира» Галилео Галилея (с. 319–346 наст. изд.)

конститутивную функцию в построении рассуждения (достаточно напомнить хотя бы о роли мифов в диалогах Платона)¹⁹. Очевидно, что статус фикции оставался своего рода «нервным узлом» европейской культуры на всем протяжении доновоэвропейской стадии ее развития. Таким же неопределенным был и во многом остается в исследовательской литературе статус софизма.

Однако фикциями и паралогизмами многообразие нелегитимных способов аргументации отнюдь не ограничивается. Так, обращаясь к исследованию богословских полемик в восточноевропейском регионе в раннее Новое время, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: стороны оперируют аргументами, отрицая правомерность построения рациональной аргументации, так как всякая рациональная практика объявляется делом, недостойным благочестивого христианина²⁰. Если мы обратимся к европейской истории науки этого же времени, то обнаружим, что триумф экспериментального метода был в значительной степени подготовлен рекламной кампанией, организованной членами континентальных академий во имя своих институциональных интересов: целью этой кампании было возвеличение фигуры Ф. Бэкона и ассоциируемой с его именем индуктивной науки²¹.

Даже если мы не охватили не только всех вообще сторон доновоэвропейской истории аргументации (на это, конечно, мы не могли бы и претендовать!), но и всех наиболее существенных ее аспектов, то все же, надеемся, эта книга поможет читателю, погруженному в гуманитарно-научные занятия, понять, что он делает, когда цитирует, обосновывает, располагает свой материал внутри статьи, обращается к тому или иному жанру научного текста и т.п. Открытие исторического измерения тех элементов исследовательского инструментария, которые ныне безотчетно причисляются к мелочам «научного быта», вполне может претендовать на роль инструмента внутренней критики научного мышления. Привычные категории аналитического языка, давно превратившиеся в *termini technici*, оказываются сложными и многосоставными, становятся объектами изучения с полной противоречивой судьбой. Научные положения, ныне обладающие статусом аксиом, предстают следствием многократных смысловых подмен, нелегитимной контекстуа-

¹⁹ См.: Петрова М.С. Полемика эпикурейцев и платоников о допустимости использования вымысла в философских рассуждениях (на примере «Комментария на «Сон Сципиона»» Макробия) (с. 161–173 наст. изд.).

²⁰ См.: Хоменко И.В. Особенности религиозной полемики на Украине конца XVI — начала XVII в. (с. 463–481 наст. изд.).

²¹ См.: Боганцев И.А. Фрэнсис Бэкон: прагматика авторитета (с. 417–435 наст. изд.)

лизации авторитетных содержаний, а то и продуктом определенного социального или коммуникативного узуса. История аргументации в определенном смысле — оператор границ научного знания. Подобно тому как софистика, по слову Барбары Кассен, — оператор границ философии.

Раздел I

КУЛЬТУРА ПОЛЕМИКИ
И СТРУКТУРА НАУЧНОГО
ТЕКСТА

Для осмысления опыта богословской систематизации в александрийской традиции мы избрали, наверное, самый яркий пример — трактат Оригена «О началах», относящийся к раннему, александрийскому периоду его творчества. Ситуация, впрочем, значительно усложняется переводным, т.е. по определению вторичным, качеством текста, доступного нам для изучения. Руфин, переводчик трактата на латинский язык и тем самым его главный свидетель в древности, по его собственному признанию, не стремился передать мысль Оригена в точности, где-то сокращая его, а порой и вообще переходя к пересказу. Свое исследование догматической составляющей этого текста мы построим в виде структурного анализа.

Трактат строился по ясному плану, существенно нарушенному еще в древности технологическими особенностями издания текста в виде папирусных свитков, механически соответствующих известным на сегодняшний день четырем книгам трактата. Изначальная структура трактата выглядела иначе, чем сейчас. Заданная самим Оригеном в прологе программа (*De Princip. 1. Praef. 4–8*), формирующая структуру текста, состоит из девяти позиций: «Апостольское учение... сводится к следующим положениям, — пишет Ориген во вступительном разделе: — 1) един Бог, который все сотворил и создал, Который все привел из небытия в бытие... 2) пришедший Иисус Христос рожден от Отца прежде всякой твари... Он воплотился, сделавшись человеком, хотя был Богом... родился и пострадал истинно; истинно Он воскрес из мертвых... и вознесся... 3) сопричастен Отцу и Сыну Святой Дух... 4) человеческая душа... по выходе из этого мира получит воздаяние по своим заслугам... 5) Наступит время воскресения мертвых... 6) всякая разумная душа обладает свободой решения и воли... 7) церковное предание учит, что дьявол и аггелы его во всяком случае существуют... 8) этот мир сотворен и начал существовать с известного момента времени и, по причине своей порчи, должен быть спасен... 9) Писания созданы Духом Святым и имеют не только открытый смысл, но и... скрытый...». Такова богословская программа, намеченная Оригеном и отраженная им в основном тексте трактата.

Исследования 1960–1970-х годов выявили в основном содержании книг «О началах» своеобразную «двойную экспозицию». Эта теория была разработана в ходе проведения научного семинара по греческой патристике в Сорбонне, которым руководила известный специалист по богословию Оригена Маргарита Арль¹. Теория двойной экспозиции нашла себе сторонников в лице таких выдающихся знатоков наследия Оригена, как Манлио Симонетти и Анри Крузель — издателей трактата «О началах» в серии *Sources chrétiennes*². Согласно этой теории Ориген построил свой трактат в виде двух взаимодополняющих текстов. Их расположение не соответствует известной нумерации книг трактата. Трактат предваряется вступлением. Восемь глав первой книги дополняются тремя первыми главами второй книги и таким образом составляют первую экспозицию (*De Princip.* 1. 1–8; 2. 1–3). Основными предметами рассуждения здесь выступают Лица Святой Троицы, разумные существа — ангелы, демоны и человек — и тварный космос. Вторая экспозиция более пространна. Она состоит из 17 глав: начиная с 4-й главы второй книги по 3-ю главу четвертой книги. Здесь обсуждаются те же предметы, рассмотренные практически в неизменной последовательности, но гораздо подробнее. Кроме того, специально обсуждаются вопросы человеческой свободы и методы толкования Священного Писания — в знаменитом «герменевтическом трактате». Первая экспозиция характеризуется издателями как философский трактат о богословских предметах, вторая — как полемический трактат, направленный против еретиков. В целом трактат «О началах» завершается кратким заключением (*Recapitulatio*), занимающим последнюю 4-ю главу четвертой книги. Здесь вновь кратко затрагиваются основные богословские предметы — догмат о Святой Троице, о сотворенных же предметах — разумных существах и о мире — говорится, сравнительно с последовательностью предыдущих изложений, в инверсии — сначала о мире, а затем о разумных существах. Наконец, заключительный раздел завершает краткий гносеологический фрагмент, в котором говорится о

¹ Первые результаты структурного анализа текста трактата «О началах» М. Арль отразила в статье: *Harl M. Recherches sur le Peri archôn d'Origène en vue d'une nouvelle édition // Studia Patristica.* 1961. Vol. 3. P. 57–67. Итоги многолетней работы приведены в статье: *Id. Structure et cohérence du Peri Archôn // Origeniana (I colloque international des études origéniennes. Montserrat. 18–21 septembre 1973).* Bari: Università di Bari, 1975. P. 11–32. См. также: *Dorival G. Remarques sur la forme du Peri Archôn // Origeniana...* P. 33–46; *Id. Nouvelles remarques sur la forme du Peri Archôn // RechAug.* 1987. No. 22. P. 67–108.

² *Origène. Traité des principes.* T. 1–2 / ed. de H. Crouzel, M. Simonetti // SC. 1978–1980. No. 252, 253, 268, 269.

возможностях познания умопостигаемого посредством божественного чувства (*sensus divinus*).

С существенным уточнением теории двойной экспозиции, фактически, с ее коренным переосмыслением выступил Чарльз Канненгиссер (1989–1992)³, известный специалист в области изучения древней патристики. Согласно его выводам трактат «О началах» состоит из двух трактатов, соответствующих двум экспозициям в рубрикации теории М. Арль: первый — «“О началах” в собственном смысле», как выражается Канненгиссер — «*De Principiis prope*» — представляет собой цельное сочинение «с симметричными предисловием и заключением, окружающими 11 глав, из которых последние три служат дополнением к основной части в виде двух экспозиций и заключения»⁴. Полученный таким образом текст имеет своими предполагаемыми оппонентами гностиков-валентиниан. Вторая экспозиция — с 4-й главы второй книги до 3-й главы четвертой книги — дополнительная, по всей видимости, более поздняя редакция Оригена, обращенная уже по преимуществу против гностиков-маркионитов.

Несомненная исследовательская заслуга Канненгиссера заключается в том, что он обратил внимание на еще одну дополнительную продуктивную для построения структуры дистинкцию, введенную Оригеном во вступлении (*De Princip. 1. Praef. 2*) — *parva et minima / magna et maxima* (вопросы незначительные и второстепенные / вопросы существенные и первостепенные). Именно этим различием он и руководствуется при реинтерпретации структуры трактата. Под предметами важными Ориген понимает вопросы собственно богословские — о Боге, Иисусе Христе, Святом Духе, а также вопросы ангелологии. К предметам второстепенным относятся вопросы мироздания — космология. Иными словами, демаркация между предметами значительными и второстепенными проходит по линии «умопостигаемое / чувственное» — дихотомии, выработанной еще в платонической философии.

Таковы известные на сегодняшний день теории структуры трактата «О началах». Ориген три раза подходит к обсуждению одних и тех же предметов, намеченных во вступлении, с незначительной вариативностью в порядке их изложения. Он как бы подбирает подходящие линзы для чтения одних и тех же букв, наводит различную степень рез-

³ *Kannengiesser Ch.* Origen, Systematician in *De Principiis* // *Origeniana Quinta* (V International Origen Congress. Boston College. 14–18 August 1989) / ed. by R.J. Daly. Leuven: Univ. Press, 1992. P. 395–405.

⁴ *Ibid.* P. 401.

кости — в первый раз достаточно расплывчато, во второй — предельно отчетливо, и в третий — охватывает предмет одним общим взглядом. Для нас в данном случае ценным может оказаться не столько содержание всех трех изложений, сколько сам метод последовательного подхода к рассмотрению одного и того же предмета с различной степенью подробности. Собственно говоря, именно это и составляет до сих пор неразрешенный вопрос: что именно заставило Оригена три раза обсуждать одни и те же темы в их практически неизменном виде? Попытку ответа на этот вопрос предпринял первый исследователь структуры трактата «О началах» Базилиус Штайдле⁵. Он усматривал в тройной структуре текста образовательную стратегию, сформулированную в позднем платонизме. Коротко она сводится к поступательному прохождению трех ступеней: этики — физики — богословия. В соответствии с этим он предложил понимать структуру трактата в виде трех несколько видоизмененных концентрических циклов: логики — физики — богословия. Однако для всех последующих исследователей надуманность такого объяснения была совершенно очевидна: содержание трактата никак не подкрепляет эту интерпретацию.

На мой взгляд, разгадку тройной структуры трактата «О началах» (две экспозиции и заключение) нужно искать в самом тексте, изобилующем обоснованиями логики своего построения. В прологе к трактату Ориген задает двойную рамку для своего изложения. Он вводит четкое разграничение внутри церковного знания, или божественного Откровения, выраженного «в словах и учениях Христа» (*Christi verbiis doctrinaque*)⁶: «Церковное и апостольское предание (*ecclesiastica et apostolica traditio* — *De Princip. 1. Praef. 2*), — пишет Ориген, — передано нам двояко: Апостолы, проповедуя веру Христову, об одном говорили прямо и ясно (*manifestissime tradiderunt*)... О другом же они только свидетельствовали, что оно существует, но каково содержание этого знания и откуда оно происходит, умолчали» (*de aliis... dixerunt... quia sint, quomodo autem aut unde sint, siluerunt* — *De Princip. 1. Praef. 3*), преследуя тем самым определенную цель. Ведь, соблюдая некоторую недосказанность, они тем самым предоставили возможность настойчивым и взыскательным к содержанию церковной веры деятельно по-

⁵ Steidle A. Neue Untersuchungen zu Origenes Περὶ ἀρχῶν // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. 1941. Bd. 40. S. 236–243.

⁶ Причем «слова и учения» понимаются расширительно: это не только то, что говорил сам Христос, но и то, что говорили пророки и апостолы во Христе Слове Божию, — это «церковное учение (*ecclesiastica praedicatio*), переданное от апостолов через порядок преемства и пребывающее в церквях донныне...» (*De Princip. 1. Praef. 1*).

стичь истину. Итак, одно — это общеизвестные определения или дефиниции церковного богословия, другое — знание, открытое лишь отчасти, и потому в его постижении возможны предположения, а значит, в принципе нельзя исключать и возможных ошибок. На протяжении всего трактата Ориген остается верен введенному различению, уточняя лишь оттенки.

К первому роду предметов, ясно определенных в апостольской проповеди, относятся такие положения церковной проповеди, как: догмат о единстве Божиим, о Боге Творце, о Боге отцов Ветхого Завета, о пришествии Господа Иисуса Христа во спасение Израиля и язычников, о том, что Бог — Его Отец, Он дал закон, пророков, Евангелие и апостолов; о том, что Христос воспринял наше тело, истинно пострадал и воскрес; а также о том, что Отцу и Сыну сопричастен по чести и достоинству Святой Дух. К этому же ряду объективного церковного знания относится учение о посмертной судьбе человеческой души: воздаяние за добродетель или за грехи, учение о телесном воскресении, учение о человеческой свободе, делающее нас ответственными за дела нашей жизни.

Ко второму роду знания — тому, что доступно только отчасти, — относятся лишь «частичные сведения и отдельные утверждения» (*exempla et affirmationes* — *De Princip. 1. Preaf. 10*): о происхождении Святого Духа, о происхождении человеческой души, о происхождении ангелов и бесов, о времени, предшествовавшем происхождению мира, о времени, последующем за уничтожением мира. Совокупность этого таинственного и сокрытого знания концентрируется Оригеном в понятии «бестелесное» (*ἀσώματον*), имеющем столь богатые философские и богословские коннотации в древнегреческом языке. Кроме того, не явлена природа астрономических объектов — солнца, луны и звезд: имеют ли они духовную природу, или они отчасти материальны. Наконец, Божественное Писание само по себе также неоднородно. Оно содержит как общезначимый и очевидный смысл, так и некоторые «сокровенные таинства и образы божественного знания». Необходимым условием постижения неизвестного в божественном откровении в первую очередь является одаренность благодатью Святого Духа разуметь божественную мудрость и науку (*De Princip. 1. Preaf. 3*). В этом отношении немалое значение Ориген уделяет также навыкам логического мышления. Целью всей этой грандиозной богословской работы служит создание некоего «последовательного и законченного учения» (*seriem quandam et corpus* — *De Princip. 1. Preaf. 10*), иными словами —

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru